

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ЭМИЛЬ ЗОЛА

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

Т В О Р Ч Е С Т В О

Р О М А НЪ.

ПЕРЕВОДЪ М. Лихтенштадтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.

1897.

Редакторъ
С. С. Трубачевъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелейевъ.

I.

Клодъ проходилъ мимо ратуши, когда разразилась гроза. Было два часа ночи. Художникъ совершенно забылся, бродя по площади рынка въ эту знайную юльскую ночь и любуясь ночной красотой Парижа. Но крупныя, частыя капли дождя заставили его очнуться, и онъ побѣжалъ опрометью по Гревской набережной. Однако, на мосту Луи-Филиппа онъ остановился, разлосадованный своею трусостью, своею безсмыслицей боязнью воды, и замѣтъ, размахивая руками, медленно пошелъ по мосту, подъ ливнемъ, гасившемъ фонари, едва мерцавшіе среди глубокаго мрака.

Впрочемъ, Клоду оставалось лишь нѣсколько шаговъ до дома, гдѣ помѣщалась его мастерская. Когда онъ очутился на Бурбонской набережной, яркая молнія освѣтила прямую линію старинныхъ отелей, вытянувшихся надъ Сеной вдоль узкой мостовой. Стекла высокихъ оконъ безъ ставенья мгновенно вспыхнули, освѣщающая нѣкоторыя детали старинныхъ фасадовъ—каменные балконы, перила террасъ, рѣзныя гирлянды фронтонаў. Здѣсь, подъ крышей стариннаго отеля Мартуа, на углу улицы Femme-sans-Tete, помѣщалась мастерская Клода. Освѣщенная на мгновеніе, набережная снова погрузилась въ мракъ, и страшный ударъ грома потрясъ уснувшій кварталъ.

Добравшись до своей старинной полукруглой двери съ желѣзными скобами, Клодъ, ослѣпленный дождемъ, сталъ ощупью искать пуговицу звонка, но вздрогнулъ, наткнувшись на живое тѣло, прижавшееся къ двери. Въ эту минуту опять сверкнула молнія, и Клодъ увидѣлъ при ея свѣтѣ высокую молодую девушку въ черномъ платьѣ, совершенно промокшую и дрожавшую отъ страха. Раздавшійся вслѣдъ за молнией ударъ грома заставилъ обоихъ вздрогнуть.

— Вотъ сюрпризъ!— воскликнулъ Клодъ.— Кто вы и что вы дѣлаете здѣсь?

Онъ не видѣлъ ея лица въ наступившей темнотѣ, но слышалъ сдержаннаго рыданія.

— О, сударь, умоляю васъ,—пробормотала она,—сжалътесь надо мной... Извозчикъ, котораго я нанила на вокзалѣ, высадилъ меня у этого подъѣзда, наговоривъ дерзостей... Поѣздъ, съ которымъ я прѣѣхала, сошелъ съ рельсовъ у Невера... Мы опоздали на четыре часа, и я не застала на станціи особы, которая должна была встрѣтить меня... Боже, я въ первый разъ въ Парижъ!. Я не знаю, гдѣ я теперь...

Ослѣпительный свѣтъ молніи прервалъ ея рѣчь. Широко раскрытыми отъ ужаса глазами дѣвушка вглядывалась въ эту часть незнакомаго ей города, встававшаго передъ ней точно фантастической призракъ. Дождь пересталъ лить. На противоположномъ берегу Сены, па набережной *des Orfes* обрисовывались маленькие сѣрые съ неровными крышами дома, испещренные внизу вывесками лавокъ; налѣво виднѣлась синеватая крыша ратуши, направо—свинцовыи куполь Св. Павла. Но болѣе всего поразила дѣвушку широкая мрачная рѣка —часть Сены между массивными сводами моста Маріи и воздушными арками нового моста Луи-Филиппа. Какія-то странныя массы обрисовывались надъ темной поверхностью воды—цѣлая флотилія судовъ и лодокъ, прачечные плоты, землечерпательная машина, привязанная къ берегу, а на противоположномъ берегу —барки съ углемъ, плашкоуты, нагруженныи жерновами, надъ которыми возвышался гигантскій чугунный стержень грузоподъемнаго крана. Затѣмъ все исчезло въ наступившей темнотѣ.

«Какая нибудь искательница приключений,—подумалъ Клодъ,— выброшенная на улицу и отыскивающая новаго покровителя».

Онъ питалъ глубокое недовѣріе къ женщинамъ. Этотъ поѣздъ, сошедший съ рельсовъ, этотъ кучерь, высадившій ее у этого подъѣзда, казались ему нелѣвой выдумкой. Испуганная новымъ ударомъ грома, дѣвушка прижалась къ углу двери.

— Во всякомъ случаѣ вы не можете ночевать тутъ,—сказалъ Клодъ довольно рѣзко.

Рыданія усилились.

— Сударь,—пробормотала она,—умоляю васъ, отвезите меня въ Пасси... Меня ждутъ въ Пасси.

Онъ презрительно пожалъ плечами. За дурака, что ли, принимаетъ она его? Онъ машинально повернулся къ набережной Целестинскихъ монаховъ, гдѣ обыкновенно стояли фіакры, но тамъ не видно было ни одного фонаря.

— Въ Пасси, моя милая? Почему же не въ Версаль?.. Гдѣ же я достану фіакръ въ такое время и въ такую погоду?

Въ эту минуту снова блеснула молнія, и дѣвушка громко вскрикнула. Гигантскій городъ показался ей точно забрызганнымъ кровью, рѣка—огромной пропастью, края которой были

освѣщены заревомъ пожара. Малѣйшія подробности пейзажа обрисовывались съ необыкновенной ясностью: видны были запертыя ставни домовъ на набережной des Orgues, разрѣзъ улицы de la Masure и du Paon-Blanc, пересѣкавшихъ набережную; у моста Marini можно было сосчитать листья большихъ чинарь, составлявшихъ тутъ прелестный букетъ зелени; на противоположномъ берегу, у пристани, ясно обрисовались выстроившіяся въ четыре ряда баржи, нагруженныя огромными корзинками желтыхъ яблокъ, а нѣсколько дальше — высокая труба прачечнаго плота, неподвижная цѣпь землечерпательной машины, кучи песку на пристани. Затѣмъ свѣтъ опять погасъ, рѣка скрылась въ мракѣ ночи и раздался оглушительный ударъ грома.

— Ахъ, Боже мой!.. Что же мнѣ дѣлать?..

Дождь, недавно прекратившійся, полилъ снова, а поднявшійся вѣтеръ разбрасываль по набережной тяжелыя массы воды съ силой прорвавшейся плотины.

— Позвольте мнѣ пройти,—сказалъ Клодъ.—Тутъ стоять невозможно.

Оба они совсѣмъ промокли. При слабомъ свѣтѣ газового фонаря, горѣвшаго на углу улицы Femme-sans-Tête, Клодъ могъ различить фигуру дѣвушки, платье которой промокло насѣквомъ и прилипло къ ея тѣлу. Глубокая жалость охватила художника. Вѣдь подобралъ онъ однажды на тротуарѣ въ такую же точно ночь приставшую къ нему собачку! Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возмущался такимъ мягкоксердечіемъ, Онъ никогда не приводилъ женщинъ въ свою квартиру. Необыкновенною робкій, онъ скрывалъ свое смущеніе подъ напускною грубостью, и въ обращеніи съ женщинами выказывалъ полное пренебреженіе. И неужели эта дѣвушка принимаетъ его за дурака, котораго можно подцѣпить такимъ образомъ?.. Но, наконецъ, жалость всетаки взяла верхъ.

— Ладно, пойдемте,—сказалъ онъ.—Вы переночуете у меня.

Она окончательно растерялась.

— У васъ?.. О, Боже!.. Нѣть, это невозможно... Умоляю васъ, сударь, отвезите меня въ Пасси... Ради Бога!..

Клодъ вспылилъ. Къ чему еще эта комедія, разъ онъ согласился впустить ее? Онъ еще разъ дернуль звонокъ. Наконецъ, дверь растворилась. Клодъ хотѣлъ втолкнуть дѣвушку въ сѣни.

— Нѣть, нѣть... Я не войду!..

Но молниѧ ослѣпила ее, и, когда раздался страшный ударъ грома, она сама бросилась въ сѣни. Тяжелая дверь захлопнулась за нею. Въ сѣниахъ было совершенно темно.

— Г-жа Жозефъ, это я!—крикнулъ Клодъ привратницѣ.

И, понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:—Дайте мнѣ вашу руку, намъ придется перебѣжать черезъ дворъ.

Ошеломленная, растерявшаяся, она не сопротивлялась больше и протянула ему руку. Они опять очутились подъ ливнемъ и бѣжали рядомъ по обширному двору барского дома съ смутно обрисовывавшимися въ темнотѣ каменными арками. Наконецъ, когда они добрались до узенькаго коридорчика безъ дверей, онъ выпустилъ ея руку и она услышала, какъ онъ, ворча, чиркаетъ спичками. Но спички совершенно промокли, и пришлось подниматься опушью.

— Возьмитесь за перила и ступайте осторожнѣе... Ступеньки очень высоки...

Старинная, узкая лѣстница соединяла четыре этажа высокаго зданія и служила, вѣроятно, чернымъ ходомъ. Молодая дѣвушка спотыкалась на каждомъ шагу, взбираясь по неровнымъ ступенямъ. Наконецъ, Клодъ заявилъ, что нужно пройти по длинному коридору и она послѣдовала за нимъ, ежеминутно хватаясь руками за стѣны безконечно длинного коридора, который огибалъ все зданіе и вѣль къ лицевой сторонѣ его, выходившей на набережную. Затѣмъ Клодъ стала взбираться по узенькой деревянной лѣстницѣ безъ перилъ, ступеньки которой скрипѣли подъ ногами, напоминая лѣстницу деревенской мельницы. Взобравшись по ней до верхней крошечной площадки, дѣвушка наткнулась на Клода, который остановился, разыскивая ключъ. Наконецъ, онъ отворилъ дверь.

— Подождите тутъ... Вы опять наткнетесь на что-нибудь.

Она стояла неподвижно, но сердце у нея сильно билось и въ ушахъ шумѣло: шествіе по безконечнымъ, темнымъ лѣстницамъ совершенно ошеломило ее. Ей казалось, что она уже нѣсколько часовъ взбирается такимъ образомъ по лѣстницамъ, въ которыхъ столько поворотовъ и закоулковъ, что никогда она не будетъ въ состояніи спуститься внизъ. Въ мастерской раздавались тяжелые шаги, слышалось паденіе и передвиженіе тяжелыхъ предметовъ, сопровождавшееся бранью. Наконецъ, въ дверяхъ показался свѣтъ.

— Войдите! —крикнулъ художникъ.

Она вошла и окинула взглядомъ мастерскую, но ничего не могла разобрать. Слабый свѣтъ свѣчи терялся въ обширномъ чердакѣ вышиною въ пять метровъ, загроможденномъ какими-то странными предметами, бросавшими удивительныя тѣни на сѣрыя стѣны. Не разбирая ничего, она взглянула на широкое стеклянное окно, по которому дождь стучалъ съ оглушительнымъ шумомъ. Въ это время сверкнула молния, и ударъ грома послѣдовалъ вслѣдъ за ней съ такой потрясающей силой, что, казалось, крыша дома раскололась. Безмолвная, смертельно блѣдная, дѣвушка опустилась на стулъ.

— Чортъ возьми,—пробормоталъ Клодъ,—она ударила гдѣ-то

недалеко!.. Да, мы добрались домой во-время. Здѣсь вѣдь уютнѣе, чѣмъ тамъ, на улицѣ, неправда ли?

Онъ подошелъ къ двери, съ шумомъ захлопнулъ ее и два раза повернулъ ключъ въ дверяхъ. Дѣвушка машинально слѣдила за его движеніями.

— Ну, вотъ мы и дома! — сказалъ Клодъ.

Впрочемъ, гроза начинала утихать, и только отъ времени до времени раздавались еще отдѣльные удары. Ливень прекратилъся. Клодъ, охваченный страннымъ смущеніемъ, украдкой посматривалъ на молодую дѣвушку. Она, повидимому, была недурна собой и очень молода, лѣтъ двадцати, не болѣе. Это усиливало его недовѣріе къ ней, хотя въ глубинѣ души онъ смутно чувствовалъ, что въ ея разсказѣ есть доля правды. Но, какъ бы она тамъ ни хитрила, она глубоко ошибается, если разсчитываетъ поддѣлить его такимъ образомъ! Стараясь принять по возможнѣстии грубый тонъ, онъ сказалъ:

— Ну-съ, а теперь ложимъ... скорѣй обсохнемъ!

Она поднялась съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Эта сухопарый юноша съ большой головой, обросшей волосами, внушалъ ей необъяснимый страхъ; въ черной фетровой шляпѣ и старомъ коричневомъ пальто, порыжевшемъ отъ дождей, онъ напоминалъ героя разбойничихъ сказокъ.

— Благодарю васъ, — пробормотала она, — я прилягу, не раздѣваясь.

— Какъ... въ этомъ платьѣ, съ котораго течетъ вода!.. Не говорите глупостей... Раздѣвайтесь сю минути!

Онъ оттолкнулъ стулья и отодвинулъ полуизодранныя ширмы; за ними она увидѣла маленький умывальный столъ и узенькую желѣзную кровать. Онъ откинулъ быстрымъ движеніемъ одѣяло.

— Нѣть, нѣть, не беспокойтесь! Увѣряю васъ, что я не лягу.

Это окончательно вывело Клода изъ себя; онъ сталъ жестикулировать, стучать кулаками.

— Да перестаньте же ломаться! Чего вамъ еще нужно, если я уступаю вамъ свою постель?.. И не разыгрывайте недотроги, это совершенно ненужная комедія! Я буду спать на диванѣ!

Онъ подошелъ къ ней съ выраженіемъ угрозы на лицѣ. Испутанная, думал, что онъ собирается прибить ее, дѣвушка сняла шляпку дрожащими руками. Вокругъ нея на полу вода, стекавшая съ ея юбокъ, образовала цѣлую лужу. Клодъ продолжалъ громко ворчать. Затѣмъ имъ, повидимому, овладѣло какое-то раздумье, и онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, если вы брезгливы, я могу перемѣнить простыни.

И въ одинъ мигъ онъ снялъ простыни и перебросилъ ихъ на

диванъ, стоявшій на противоположномъ концѣ мастерской. Затѣмъ онъ вынуль изъ шкафа двѣ чистыя простыни и покрылъ ими постель съ ловкостью холостяка, привыкшаго къ этому. Заботливой рукой онъ расправилъ одѣяло, вѣзиль подушку, откинуль простыню. — Ну, теперь готово, ложитесь!

Но она стояла неподвижная и безмолвная, машинально проводя рукой по лифу, которого не рѣшалась разстегнуть. Онъ загородилъ ее ширмами. Господи, какая стыдливость! Онъ быстро раздѣлся, покрылъ диванъ простыней, повѣсили платье на одинъ изъ мольбертовъ и растянулся на диванѣ. Собираясь задуть свѣчу, онъ, однако, подумалъ о томъ, что барышнѣ придется раздѣваться въ темнотѣ, и стала прислушиваться. Вначалѣ не было слышно ни малѣйшаго шороха, вѣроятно, она продолжала стоять на томъ же мѣстѣ, прислонившись къ желѣзной кровати. Затѣмъ послышалась легкій шелестъ платья, медленный, сдержанній движенія, точно она нѣсколько разъ останавливалась, прислушиваясь, смущенная свѣтотѣмъ за ширмами. Наконецъ, послышалась слабый скрипъ кровати и затѣмъ все смолкло.

— Хорошо ли вамъ, барышня? — спросилъ Клодъ болѣе мягкимъ голосомъ.

— Да, очень хорошо, — отвѣтчила она тихимъ, дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Спокойной ночи, барышня!

— Спокойной ночи!

Клодъ погасилъ свѣчу и въ комнатѣ воцарилась глубокая тишина. Но, несмотря на сильную усталость, онъ долго не могъ уснуть и лежалъ съ открытыми глазами, устремленными на широкое стеклянное окно мастерской. Небо совершенно прояснилось, мириады звѣздъ сверкали на немъ. Несмотря на грозу, въ комнатѣ было невыносимо душно, и Клодъ метался на своеѣ ложѣ, откинувшись одѣяло. Незнакомая девушка дразнила его воображеніе, и въ душѣ его происходила глухая борьба: съ одной стороны — желаніе доказать ей свое презрѣніе и боязнь осложнить свою жизнь, съ другой — опасеніе повзаться смѣшнымъ, если онъ не воспользуется такимъ случаемъ.

Въ концѣ концовъ презрѣніе восторжествовало надъ другими чувствами. Онъ вообразилъ цѣлую интригу, направленную противъ его спокойствія и, полагая, что разрушилъ ее своимъ равнодушіемъ, издѣвался надъ разбитыми планами. Однако, жара все болѣе томила его; онъ положительно задыхался и, наконецъ, совсѣмъ сбросилъ съ себя одѣяло. Но глаза его попрежнему сльзили за мерцаніемъ звѣздъ на темномъ небѣ, и въ галлюцинаціяхъ дремоты ему казалось, что онъ видитъ тамъ дивныя линіи женскаго тѣла, которое онъ боготворилъ.

Затѣмъ мысли его стали путаться. Что дѣлаетъ она тамъ, эта дѣвушка? Сначала онъ думалъ, что она заснула, такъ какъ не слышно было даже ея дыханія. Но затѣмъ онъ услышалъ, какъ она ворочается на постели, стараясь не производить шума и задыхаясь отъ этихъ усилий. Клодъ сталъ обдумывать разсказанныю молодой дѣвушкой исторію, пораженный нѣкоторыми необъяснимыми подробностями. Но усталый умъ отказывался служить ему. Да и къ чemu утруждать себя напрасно? Не все ли равно, сказала она правду или солгала?.. Вѣдь онъ безусловно рѣшилъ не связываться съ нею! Завтра она уйдетъ отсюда, и онъ никогда болѣе не увидится съ нею... Прощайте, сударыня!

Только па разсвѣтъ, когда стали блѣднѣть звѣзды, Клоду удалось, наконецъ, заснуть. Но дѣвушка за ширмами не могла уснуть, задыхаясь въ спрѣтомъ воздухѣ мансарды. Она нетерпѣливо ворочалась съ боку на бокъ и по временамъ раздавался сдержанній вздохъ раздраженной дѣственницы, смущенной присутствиемъ мужчины, который спалъ такъ близко отъ нея..

Когда Клодъ проснулся, было уже довольно поздно; широкая полоса свѣта врываилась въ большое окно, и Клодъ долженъ былъ зажмурить глаза, ослѣпленный яркимъ свѣтомъ. Онъ давно прошовѣдалъ въ своеѣ кружкѣ, что художники-реалисты, представители школы «real art», должны выбирать для работы именно тѣ мастерскія, которыхъ избѣгаютъ художники-академисты, т. е. помѣщенія, залитыя солнечнымъ свѣтомъ. Проснувшись, онъ былъ озадаченъ этимъ яркимъ свѣтомъ и присѣлъ на кровать, спустивъ на полъ голыя ноги. Какой чортъ уложилъ его на этотъ диванъ? Онъ смотрѣлъ вокругъ себя заспанными глазами и, наконецъ, взглянувъ его упаль на кучу юбокъ, выглядывавшихъ изъ-за ширмъ. Ахъ, да... тамъ эта дѣвочка! Онъ тотчасъ вспомнилъ ночное приключение и сталъ прислушиваться къ тихому, ровному дыханію дѣвушки, напоминавшему дыханіе ребенка. Спитъ, кажется, безмятежнымъ сномъ... и будить жалъ! Нѣсколько минутъ онъ просидѣлъ, недоумѣвая и почесывая ногу, негодуя на приключение, которое испортить ему, вѣроятно, все утро. Благоразумнѣе всего — разбудить и выпроводить ее поскорѣй. Однако, онъ осторожно, стараясь не дѣлать шума, надѣлъ брюки и туфли и на цыпочкахъ ходилъ по комнатѣ.

На старыхъ часахъ съ кукушкой пробило девять, и Клодъ сталъ прислушиваться съ нѣкоторо йтревогой. За ширмами все было спокойно попрежнему: доносилось только ровное, медленное дыханіе дѣвушки. Клодъ рѣшилъ, что лучше всего приняться сей-часъ же за большую картину; завтра онъ приготовить потомъ, когда можно будетъ двигаться, не стѣсняясь. Однако, онъ всетаки не могъ приняться за работу. Его, привыкшаго къ по-

стоянному беспорядку, смущала эта куча юбокъ, брошенныхъ безцеремонно на полъ. Платье еще не просохло и вокругъ него стояла лужа воды. Клодъ принялася, ворча, подбирать всѣ предметы женского туалета и развѣшивать на стульяхъ, освѣщенныхъ солнцемъ. Какъ можно было бросить все въ такомъ беспорядкѣ! Вѣдь онъ никогда не просохнуть, эти тряпки, и никогда она не уйдетъ отсюда! Онъ неловко вертѣлъ въ рукахъ всѣ принадлежности женского туалета и ползалъ на четверенькахъ, отыскивая чулки, завалившіеся за старый холстъ. Это были тонкіе длинные фильдекосовые чулки пепельно-сѣраго цвѣта, и Клодъ долго разматривалъ ихъ. Мокрый подоль платья промочилъ ихъ насѣвоздь, и Клодъ старался растиануть ихъ, высушить въ своихъ горячихъ рукахъ, заботясь лишь о томъ, чтобы эта дѣвушка могла уйти поскорѣй.

Съ той минуты, какъ онъ проснулся, его мучило желаніе заглянуть за ширмы. Это любопытство, казавшееся ему самому ужасно глупымъ, усиливало его дурное настроеніе. Наконецъ, нетерпѣливо пожавъ плечами, онъ взялся уже за кисти, когда дѣвушка пробормотала что-то, послышалася шелестъ бѣлья, затѣмъ опять все смолкло... Раздавалось только медленное, ровное дыханіе. Тогда, бросивъ кисти, Клодъ уступилъ своему любопытству и раздвинулъ ширмы. То, что представилось его глазамъ, ошеломило его. Онъ стоялъ неподвижный, восхищенный, серъезный, бормоча:

— Ахъ, чортъ возьми!.. Ахъ, чортъ возьми!..

Въ мастерской, нагрѣтой солнечными лучами, врывавшимися въ широкое стеклянное окно, стояла тепличная жара; молодая дѣвушка сбросила съ себя простыню и, утомленная предыдущими безсонными ночами, спала, залитая солнечнымъ свѣтломъ, спала такимъ глубокимъ сномъ, что ни малѣйшаго движенія нельзя было подмѣтить на ея дѣвственno чистомъ тѣлѣ. Пуговки на плечѣ рубашки разстегнулись и лѣвый рукавъ спустился съ плеча, обнажая молодое тѣло съ тонкой, какъ шелкъ, золотистой кожей, дивной формы упругую грудь, на которой обозначались два блѣдно-розовых пятна. Она спала, закинувъ голову назадъ и подложивъ подъ нее правую руку; распустившіеся черные волосы прикрывали ее темнымъ покровомъ.

— Ахъ, чортъ возьми!.. Какъ она хороша!

Да, это она, именно она, та фигура, которую онъ тщетно искалъ для своей картины, и въ той именно позѣ, которая была нужна ему! И какая стройность формъ, какая свѣжесть тѣла! Грудь была уже вполнѣ сформирована. И куда запрятала она ее наканунѣ такъ, что нельзя было догадаться о красотѣ бюста. Да, это настоящая находка!

Осторожно, чтобы не разбудить дѣвушкі, Клодъ бросился за ящикомъ съ красками и большимъ листомъ бумаги. Затѣмъ, приставившись на низенькомъ стулѣ, онъ принялъся рисовать. Лицо его сияло счастьемъ. Все, что еще такъ недавно волновало его, всѣ плотскіе инстинкты и вождѣльнія уступили мѣсто энтузіазму художника. Онъ видѣлъ теперь передъ собой не женщину, а дивное сочетаніе линий и тоновъ — блѣснѣющную грудь, янтарныя плечи, и какое-то особенное чувство благоговѣнія овладѣло имъ. Природа точно подавляла его своимъ величиемъ, онъ превратился теперь въ скромнаго, почтительнаго, послушнаго мальчика, ея ученика. Отъ времени до времени онъ останавливался, всматривался въ спящую, прищуривъ глаза. Но, боясь, чтобы она не перемѣнила позы, онъ съ лихорадочной поспѣшностью снова принимался за работу, сдерживая дыханіе, чтобы не разбудить ее.

Но, отдаваясь работѣ, онъ всетаки не могъ прогнать неотвязно преслѣдовавшихъ его вопросовъ. Кто эта дѣвушка?.. Очевидно, она не принадлежитъ къ числу погибшихъ созданий, она слишкомъ свѣжка... Но для чего разсказала она эту невѣроятную исторію?.. И онъ придумывалъ другія комбинаціи, казавшіяся ему болѣе вѣроятными. Быть можетъ, это дебютантка, пріѣхавшая въ Парижъ съ своимъ любовникомъ и брошенная имъ?.. Или дочь мелкихъ буржуа, совращенная какой-нибудь подругой и не осмѣливающаяся вернуться къ роднымъ?.. Или не скрывается ли тутъ болѣе сложная драма, какая-нибудь ужасная тайна, которую онъ никогда не раскроетъ? Эти предположенія тревожили Клода въ то время, какъ онъ рисовалъ лицо дѣвушки, внимательно изучая его. Верхняя часть лица — гладкій, какъ чистое зеркало, лобъ и небольшой носъ съ тонкими, нервными ноздрями — носила печать кротости и доброты; глаза, казалось, улыбались подъ вѣками, и эта странная улыбка освѣщала всѣ черты лица. Но нижняя часть лица не соотвѣтствовала общему впечатлѣнію, челюсть несколько выдавалась впередъ и слишкомъ полныя пунцовыя губы, обнаруживая два ряда ослѣпительно блѣлыхъ, крѣпкихъ зубовъ, свидѣтельствовали о страстности натуры и нарушили гармонію нѣжнаго, почти дѣтскаго личика.

Вдругъ по атласистой кожѣ пробѣжалъ трепетъ. Почувствовала ли дѣвушка пристальный взглядъ мужчины, устремленный на нее? Она немедленно открыла глаза и вскрикнула:

— Ахъ, Боже!..

Она точно оѣпенѣла отъ испуга при видѣ незнакомой обстановки и мужчины безъ сюртука, сидѣвшаго противъ нея и пожирающаго ее глазами. Но затѣмъ она порывистымъ движениемъ натянула на себя одѣяло и, судорожно прижала его къ себѣ; яркая краска залила ея лицо, шею и грудь.

— Ну, что съ вами? — вскричалъ раздосадованный художникъ, размахивая карандашемъ.

Но дѣвушка лежала неподвижно и безмолвно, скорчившись и закутавшись въ одѣяло по самый подбородокъ.

— Вы должно быть боитесь, что я съѣмъ васъ?... Ну, послушайте, будьте умницей, примите прежнее положеніе.

Она снова вспыхнула до ушей.

— Ахъ, нѣтъ... нѣтъ... умоляю васъ, сударь!..

Но Клодъ разсердился. Это упрамство молодой дѣвушки казалось ему ужасно глупымъ.

— Ну, скажите же, чего вы боитесь? Велика важность, если я увижу, какъ вы сложены!.. Видѣмъ я не мало другихъ женщинъ.

Вѣсто отвѣта она расплакалась, а онъ окончательно вышелъ изъ себя при мысли, что ему не удастся окончить рисунокъ, что жеманность этой дѣвочки лишитъ его возможности получить прекрасный этюдъ для задуманной картины.

— Такъ вы отказываетесь? Но вѣдь это ужасно глупо! За кого же вы меня принимаете?... Развѣ я оскорбилъ васъ чѣмъ-нибудь? О, если бы я думалъ о подобныхъ глупостахъ, то могъ бы воспользоваться этой ночью!.. Но мнѣ, повѣрьте, моя милая, совсѣмъ не до нихъ! Вы можете смѣло показывать мнѣ все, что хотите... И знаете ли, съ вашей стороны не особенно хорошо отказывать мнѣ въ такомъ пустякѣ послѣ того, какъ я пріютилъ васъ, уступилъ вамъ свою постель!

Она продолжала плакать, уткнувъ голову въ подушку.

— Клянусь вамъ, что мнѣ это очень нужно!.. Я не сталъ бы напрасно мучить васъ!..

Однако, слезы дѣвушки смущали его и, устыдившись своей грубости, онъ замолчалъ, желая дать ей время успокоиться. Затѣмъ онъ заговорилъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Ну, ладно, если это такъ волнуетъ васъ, я не буду настаивать... Но если бы вы могли понять меня! Тутъ у меня на картинѣ есть фигура, съ которой я не могу справиться, а ваша поза вполнѣ соотвѣтствовала моей идеѣ!.. Знаете ли, когда рѣчь идетъ обѣ этой проваленной живописи, я готовъ задушить отца и мать!.. Неправда ли, вы простите меня? Вы позовите мнѣ еще нѣсколько минутъ... Нѣтъ, нѣтъ, не волнуйтесь, маѣтъ нужна не грудь... не грудь, а лицо ваше, только лицо... Ахъ, если бы я могъ окончить лицо!.. Бога ради, будьте такъ любезны, приведите руку въ прежнее положеніе... Вы окажете мнѣ этимъ услугу, за которую я буду вамъ вѣчно благодаренъ... вѣчно!

Охваченный страстью художника, онъ умолялъ ее теперь, беспомощно размахивая карандашемъ. Онъ сидѣлъ попрежнему на ни-

зенъкомъ стулъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нея. Это нѣсколько успокоивало молодую дѣвушку, и она рѣшилась открыть свое лицо. Что же ей собственно оставалось дѣлать? Вѣдь она была всецѣло въ его власти! Да и видъ у него былъ такой жалкій.. Съ минуту еще она колебалась, затѣмъ безмолвно высунула руку и подложила ее подъ голову, стараясь другой рукой придержать одѣяло у шеи.

— Ахъ, какая вы добрая!.. Я потороплюсь... Вы сейчасъ будете свободны.

Онъ всецѣло отдался своей работѣ, только изрѣдка поглядывая на нее глазами художника, который видѣтъ передъ собой не женщину, а натуращицу. Въ первую минуту она опять вспыхнула: голая рука, которую она спокойно показала бы на балу, теперь страшно смущала ее. Но мало-по-малу она успокоилась; этотъ юноша казался ей такимъ благоразумнымъ, такимъ добрымъ; довѣрчивая улыбка мелькнула на ея губахъ, и она принялась разсматривать художника сквозь полуопущенные вѣки. Какъ онъ запугалъ ее ночью своей густой бородой, огромной головой и грубыми манерами! А между тѣмъ онъ былъ собственно недуренъ собой; въ глубинѣ его карихъ глазъ свѣтилось искреннее чувство, а носъ поразилъ ее нѣжностью очертаній... красивый, тонкій носъ, терявшийся въ густыхъ, жесткихъ усахъ. По временамъ по всему его тѣлу пробѣгала нервная дрожь, вѣроятно, вызванная возбужденіемъ, которое воодушевляло карандашъ въ его тонкихъ пальцахъ и глубоко трогало ее. «Этотъ человѣкъ, — думала она, — не можетъ быть злымъ... грубость его зависить, вѣроятно, отъ его робости». Впрочемъ, она не анализировала своихъ ощущеній и все болѣе и болѣе успокоивалась, всматриваясь въ лицо художника.

Мастерская, правда, все еще пугала ее, и она съ удивленіемъ осматривала странное помѣщеніе, пораженная царившимъ въ немъ беспорядкомъ. У печки лежала куча накопившейся съ зимы золы. Вся мебель состояла изъ желѣзной кровати, умывального столика, дивана и большого белаго сосноваго стола, заваленного кистями, красками и грязными тарелками; посерединѣ стола стояла спиртовая лампа, а на ней кастрюля съ остатками вермишеля. Между хромоногими мольбертами стояли стулья безъ сидѣній. На полу, у дивана, валялся огарокъ свѣчи; повидимому, комнату убирали не болѣе одного раза въ мѣсяцъ. Только огромные часы съ кукушкой и красными цвѣтами имѣли веселый, опрятный видъ и звонко выбивали свое тикъ-такъ. Но болѣе всего пугало молодую дѣвушку неимовѣрное количество картинъ безъ рамъ, покрывавшихъ стѣны сверху до-низу и валявшихся въ беспорядкѣ на полу. Никогда ей не приходилоось видѣть такихъ

ужасныхъ картинъ. Грубая, яркая, живопись эта рѣзала глаза, какъ рѣжетъ ухо брань извозчиковъ у трактира. Тѣмъ не менѣе одна большая картина, повернутая къ стѣнѣ, невольно привлекала вниманіе молодой дѣвушки. Что могло быть изображено на ней, если ее боятся даже показывать? А знойные лучи солнца, неумѣримые ни малѣйшимъ подобіемъ сторѣ, разливались золотой пылью по убогой мебели, ярко освѣщающей безпечную нищету.

Продолжительное молчаніе показалось, наконецъ, неловкимъ Клоду. Онъ искалъ, чтобы сказать, какъ бы развлечь барышню, заставить ее забыть о неловкости ея положенія. Но онъ не могъ придумать ничего, кроме вопроса:

— Какъ васъ зовутъ?

Молодая дѣвушка лежала съ закрытыми глазами, точно въ забытьи. При этомъ вопросѣ она открыла глаза.

— Христина.

Клодъ вспомнилъ, что и онъ не называлъ себя.

— А меня зовутъ Клодомъ,—сказалъ онъ, взглянувъ на молодую дѣвушку, которая громко захочотала. Это былъ шаловливый смѣхъ подростка-барышни, сохранившей много ребяческаго. Такой поздній обмынь именъ, повидимому, разсмѣшилъ ее.

— Странно!.. Claude... Christine... оба имени начинаются съ одной буквы.

Наступила новая пауза. Клодъ щурилъ глаза, волновался и не зналъ, чтобъ бы еще придумать. Но вдругъ дѣвушка сдѣлала какое-то движение и, боясь, что она перемѣнитъ позу, онъ поспѣшилъ сказать:

— Здѣсь, кажется, довольно тепло.

Она съ трудомъ подавила смѣхъ. Жара въ комнатѣ становилась нестерпимой, и ей казалось, что она лежить не въ постели, а въ теплой ваннѣ; кожа ея стала влажной и поблѣднѣла, принимая молочно-матовый цвѣтъ камей.

— Да, довольно тепло,—возразила она серьезно, хотя въ глазахъ ея свѣтился смѣхъ.

Клодъ пояснилъ добродушно:

— Это, видите ли, оттого, что солнце прямо ударяетъ въ окно. Но это не бѣда! Я нахожу даже, что пріятно, когда оно пріекаетъ кожу... Не правда ли, мы обрадовались бы ему, если бы оно выглянуло ночью, когда мы стояли у подъѣзда?

Оба расхохотались. Клодъ, обрадовавшись, что, наконецъ, нашелъ тему для разговора, сталъ разспрашивать молодую дѣвушку обѣ исторіи, случившейся съ ней ночью, безъ малѣйшаго любопытства, никакъ не интересуясь узнать истину и заботясь только о продленіи сеанса.

Христина рассказала ему въ немногихъ словахъ свое приклю-

ченіе. Вчера утромъ она выѣхала изъ Клермона въ Парижъ, гдѣ собиралась поступить чтицей къ г-жѣ Банзадѣ, вдовѣ одного генерала, очень богатой старухѣ, которая жила въ Пасси. Поѣздъ по расписанію долженъ былъ прийти въ Парижъ въ 9 часовъ 10 минутъ вечера. На платформѣ должна была ждать ее горничная ста-рухи; было условлено, что на ней будетъ черная шляпка съ сѣрымъ перомъ. Но за Неверомъ поѣздъ налетѣлъ на сошедшій съ рельсовъ товарный поѣздъ, который загораживалъ путь. Это было началомъ цѣлаго ряда невзгодъ и задержекъ. Сначала пассажиры безконечно долгое время просидѣли въ вагонахъ, затѣмъ всѣ вышли изъ вагоновъ, оставивъ свой багажъ, и прошли пѣшкомъ три километра, до ближайшей станціи, гдѣ решено было послать къ мѣсту крушения вс помогательный поѣздъ. Такимъ образомъ прошло два часа, да два часа еще пришлось потерять, вслѣдствіе безпорядка, вызванного столкновеніемъ по всей линіи. Въ концѣ концовъ поѣздъ опоздалъ на четыре часа, то есть прибылъ въ Парижъ къ часу ночи.

— Не весело! — сказалъ Клодъ, все еще не довѣрявшій ей, но пораженный естественнымъ спѣщеніемъ обстоятельствъ въ этомъ разсказѣ. — И, конечно, вы никого не застали на вокзалѣ?

Конечно, Христина не нашла на вокзалѣ горничной г-жи Банзадѣ, которой, вѣроятно, надоѣло ждать. Очутившись въ эту поздній часъ ночи одна въ большой, пустынной залѣ Ліонскаго вокзала, она настолько растерялась, что боялась взять извозчика и долго расхаживала по перону съ ридикюлемъ въ рукахъ, разчитывая, что кто-нибудь явится за ней. Затѣмъ, когда она, наконецъ, рѣшилась нанять извозчика, оказалось, что у вокзала оставалась всего одна карета; грязный кучерь, отъ которого пахло виномъ, бродилъ около нея, нахально предлагая свои услуги.

— И вы поѣхали съ нимъ? — спросилъ Клодъ, заинтересованный разсказомъ, который все еще казался ему сказкой.

Не измѣнія позы, устремивъ глаза въ потолокъ, Христина продолжала:

— Онъ заставилъ меня нанять его. Онъ сталъ называть меня своей брошкой и совсѣмъ запутгалъ. Когда я сказала ему, что мнѣ нужно въ Пасси, онъ разсердился и стегнулъ лошадь съ такой силой, что я принуждена была держаться за дверцы, чтобы не упасть. Но, когда фіакръ покатился по освѣщеннымъ улицамъ, я успокоилась. На тротуарахъ я видѣла людей... Наконецъ, я узнала Сену. Я никогда не бывала въ Парижѣ, но подробно познакомилась съ его планомъ. Мнѣ казалось, что онъ пойдетъ вдоль набережныхъ, и когда я увидѣла, что мы переѣзжали черезъ мостъ, меня охватилъ ужасъ. Въ это время пошелъ дождь, фіакръ свернулъ въ какое-то неосвѣщенное мѣсто и вдругъ остановился. Ку-